

АРХИВ В. И. СЕМЕВСКОГО

Несколько слов о самом Василии Ивановиче Семевском. Он родился в 1848 г. в Полоцке. Одно время Василий Иванович намеревался стать врачом и даже в 1856 г. поступил в Военно-Медицинскую Академию. Но через два года он отказался от этого намерения и перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета, каковой окончил в 1872 г. Еще студентом Семевский стал увлекаться вопросами истории. Примкнув к умеренному крылу тогдашних народников, В. И. стал деятельно изучать историю русского крестьянства. В 1876 г. в «Русской Старине» появилась его первая работа «Крепостное крестьянство при Екатерине II». Через пять лет в печати появился его второй труд — «Крестьяне в царствование Екатерины II». Обе эти работы сразу выдвинули Семевского в первые ряды тогдашних прогрессивных историков. Но его попытка получить в Петербургском университете кафедру окончилась ничем в виду сопротивления реакционной профессуры и противодействия тогдашнего министра народного просвещения — прославленного мракобеса Делянова.

Изгнанный из университета Семевский целиком отдался изучению ряда проблем русской истории. С этой целью он производил обширные архивные изыскания, а также деятельно собирал документы, находившиеся в частных руках. Архив Семевского, хранящийся ныне в библиотеке Коммунистической Академии в Москве, и есть результат его многолетнего собирательства.

Но содержание архива Семевского ничуть не ограничивается только одной стороной его научной деятельности. Семевский был видной фигурой в среде радикально-демократической интеллигенции конца XIX и начала XX в. Он имел прямое отношение к литературе, издав несколько работ о общественных деятелях в свете их влияния на тогдашнюю общественную мысль. Сюда относятся его труды о декабристах, Фонвизине, Штейнгеле, Н. И. Тургеневе, а также о Дашковой, Ядринцеве, Якубовиче, Чернышевском, Пышине. Но не только своими историко-литературными трудами Семевский был близок писательской среде. Его обширная общественная деятельность не раз ставила его во главе писательских организаций. Он побывал и председателем Литературного фонда. Кассы взаимопомощи литераторов, часто избирался арбитром при всевозможных литературных конфликтах. Все это приводило его в соприкосновение с обширным кругом писателей, публицистов. Эти связи отражены в архиве в виде многочисленных писем. Не приходится говорить о ценности этого материала. К этому надо прибавить, что Семевский не ограничился одним хранением писем писателей к нему. Со свойственной ему тщательностью он собирал переписку писателей, адресованную другим лицам или учреждениям. Таких писем в архиве очень много.

Свою собирательную работу Семевский особенно развил в 1913 г., став редактором журнала «Голос Минувшего». Упорно и настойчиво он складывал в конверты документы, письма, рукописи до своей неожиданной смерти 21 сентября 1916 г. Но на этой дате история архива не оборвалась.

Здесь надо прежде всего отметить, что хранящийся в Коммунистической Академии архив Семевского не представляет всего наследия В. И. Это только часть и, как видно, главная документальная часть. Большинство рукописей В. И. хранится в Ленинграде, в Академии Наук. После смерти Семевского эта документальная часть архива была Мельгуновым перевезена в Москву. Здесь она была слита как с личным архивом Мельгунова, так и с редакционным «Голоса Минувшего».

Мельгунов ныне обретается за границей в среде белой эмиграции. Перед своим отъездом он успел похитить и увезти часть материалов как из архива Семевского, так и из других организаций. Документы эти отчасти опубликованы уже им на стра-

ницах журнала «Голос Минувшего на чужой стороне», издаваемый в Париже. Среди этих увезенных документов оказались и копии с неизданных дневников Л. Н. Толстого. Эти дневники, вопреки ясно выраженной воле Льва Николаевича, были Мельгуновым изданы. Усилиями советской власти главнейшая часть архива была спасена от расхищения и ныне хранится в должном порядке. Теперь читателю будет ясно, что объединяется в термине «Архив Семевского».

Архив Семевского в момент передачи его в Коммунистическую Академию находился в состоянии полнейшего хаоса. Тов. Т. И. Райнов вместе с группой сотрудников библиотеки привел его в порядок. Ими же было составлено внешнее описание архива.

Содержание этого архива представляет собой опрометную историко-литературную ценность. По содержанию архив делится на две части: копии с разных документов, снятые Семевским и другими лицами во всевозможных хранилищах, и подлинные документы. Последние относятся к более близкой нам эпохе, хотя имеются дела и документы в подлинниках более отдаленного времени. Происхождение отдельных подлинных документов (мы уж не говорим о копиях) бросает свет на некоторые черты в деятельности С. П. Мельгунова. После Февральской революции 1917 г. в Москве была создана «Комиссия по разбору архивов политических дел. С. П. Мельгунов был назначен председателем этой комиссии. В то же время он состоял от Временного правительства «уполномоченным по обследованию архивов». Как Мельгунов выполнял свои обязанности, видно из протокола заседания этой комиссии от 7 мая 1917 г. На этом заседании было сообщено, что некий «Вознесенский прочел лекцию, для которой взял без ведома комиссии документы, найденные у Шебеко и др. лиц». Потом выяснилось, что «документы эти в семи пакетах под расписку были получены Мельгуновым». В дальнейшем этот бесцеремонный «хранитель» архивов спокойно таскал из государственных фондов все, что могло иметь в его глазах историко-литературную ценность. Трудно конечно ныне установить, сколько документов было таким способом расхищено и куда они все девались. Но факт хищений налицо. Мы уж не говорим о многочисленных копиях, снятых сотрудниками по поручению и для своего начальства. И вот ныне этот-то Мельгунов имеет смелость в заграничной печати упрекать советскую общественность в варварском обращении с архивами!

Из фондов Охранного отделения Мельгунова больше всего интересовали документы о политически близких ему писателях-народниках: Пешехонове, Мякотине, Иванчин-Писареве и др. Документация о них довольно богата и дает живую картину для характеристики их политической деятельности. Вообще в архиве имеются копии обширных материалов из секретных дел Охранного отделения и Департамента полиции, освещающие те или иные политические выступления писателей, ученых и просто представителей интеллигенции. Наравне с этим в архиве хранится очень много нелегальных изданий, относящихся к общественной и революционной деятельности тех же групп. Многие из этих изданий представляют собой большую, а то и уникальную редкость. Сюда относятся всякие коллективные заявления писателей по поводу разных актов насилия царского правительства, изданные по цензурным условиям в подполье, протесты, резолюции, декларации. Но имеется в архиве, в небольших, правда, количествах, нелегальная литература, исходившая от революционных и социалистических партий, посвященная движению рабоче-крестьянских масс.

Очень много ценнейших документов связано со студенческим движением конца прошлого и начала нынешнего века. Все эти документы собирались самим В. И. Семевским, имевшим близкое отношение к университетским кругам. По той тщательности, с какой подбирался этот материал, видно, что В. И. Семевский придавал этому вопросу очень большое значение.

В делах, посвященных студенческому движению, имеется прежде всего много нелегальных изданий подпольных студенческих организаций, возникших главным образом в процессе забастовок в высших учебных заведениях. Многочисленные прокламации, памятные записки, обращения, целые литературные очерки, подлинные протоколы заседаний дают ясное представление о размерах и глубине движения молодежи. Там же находится много документов, рисующих повеление и образ действий профессуры во время этих беспорядков. Значительная часть, если не абсолютное большинство, этих

документов говорит о той пропасти, которая существовала между революционной молодежью и профессурой, даже ее либеральной частью.

В то время как первые свое недовольство выражали актами активистского революционного действия, вторые либо металась между студенчеством и начальством, по существу связывая только энергию молодежи, либо прямо становились орудиями полицейско-жандармского государства. В этом отношении особо примечательно было поведение киевских профессоров во время беспорядков 1902 г. Эти «воспитатели» молодежи выступили против студенчества наравне с жандармами, городскими и казаками. Скандальное поведение этих профессоров вызвало крик негодования даже в лучшей части европейской профессуры. Памятником этого служит хранящееся в архиве письмо из известных Дюкло и Реклю, адресованное «гг. профессорам университета». В этом письме они писали: «Позвольте выразить вам чувство прискорбного изумления, вызванного в нас недавними киевскими событиями». Говоря о забастовке студентов, Дюкло и Реклю указывали, что «этот поступок ничего преступного не представлял и носил чисто университетский характер — весь мир признает это. Жандармы и казаки проникли в университет и заговорили там как хозяева. Профессора допустили это вмешательство, некоторые даже требовали его. Студенты не оказали сопротивления, а их называют бунтовщиками. Наказания, очень тяжелые и ничего общего не имеющие с университетскими, постигли 183 из них. Эти наказания провозглашены административным трибуналом, не стеснявшим себя никакими юридическими формальностями, даже в отсутствии обвиняемых, которые были совершенно лишены права защиты. Профессора восседали в этом трибунале рядом с полицейскими и солдатами. Нам кажется, что университеты всего мира должны заявить во всеуслышание, что они откажутся от всякой солидарности с такими коллегами».

Студенческое движение неизменно сопровождалось многочисленными арестами, высылками, избиениями. Это породило своеобразную нелегальную литературу. Мы говорим о журналах, издававшихся в тюрьмах. Все они являются настоящими униками, ибо тираж их никогда не превышал двух экземпляров. Чаще всего эти журналы выходили всего в одном экземпляре. По своему содержанию эти журналы могут быть названы литературно-художественными и политическими. Сохранилось даже чисто художественное приложение к одному из бутырских журналов, полное иллюстраций. Из сохранившихся экземпляров в архиве представлен ряд журналов, издававшихся студенчеством в московских Бутырьках. Первый из них — «Гражданин» № 2, — судя по передовой, вышел в феврале 1902 г. В журнале имеется несколько очерков, оригинальных стихотворений и один перевод из Гейне: «Мы долго шли вместе дорогой одной». Авторских подписей под произведениями, как правило, не бывало. Лишь изредка попадает псевдоним, инициалы, а то просто кличка, возможно партийная. Так стихи «Мы не знаем счастья, мы не знаем света» подписаны «Балевич».

Другой журнал — «Бутырский Вестник» — был большего размера, содержательней и выходил чаще. Судя по титулу, в 1902 г. он издавался уже второй год. В архиве сохранилось восемь номеров журнала — 7-й, 8-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й — и одно приложение — «Художественный отдел Бутырского Вестника за 1902 г.».

Составлялся «Бутырский Вестник» по обычному плану тюремного журнала. Часть номера заполнялась передовой политической статьей. На остальных страницах «печатались» очерки, рассказы, стихи бутырских повтов и писателей. В конце обыкновенно давалась тюремная хроника. Иногда содержание менялось. Появлялись сведения с воли, хроника студенческой жизни. А в № 10 «Бутырского Вестника» даже напечатана маленькая пьеса Бутыренко из студенческой жизни «Совершенно невероятное событие» (фантазия в одном действии), посвященная студенческим беспорядкам. Героями этой своеобразной пьесы являются суб-инспектор, околоточный, городской, студент-антиобструкционист, педеля, сторожа, полиция. Из журнала не видно, была ли сделана в Бутырьках попытка поставить эту пьесу.

Наиболее плодовитым поэтом «Бутырского Вестника» был Сладкопечев, стихи которого имеются во всех сохранившихся номерах.

«Бутырские Ведомости» — журнал политики, науки и литературы — издавался также в 1902 г. Сохранилось этого журнала четыре номера — 2-й, 3-й, 4-й и 6-й. Содержа-

ние «Бутырских Вестостей» несколько бедней «Вестника». Особенно это относится к литературно-художественным произведениям.

Оба журнала по своему направлению были типично студенческими, лишенными какой бы то ни было политической идеологии. То была литература беспартийной революционной молодежи. В феврале 1902 г. в Бутырках группа студентов-марксистов приступила к изданию социал-демократического журнала «Свободное Слово». До нас дошел только один экземпляр второго номера. В статье «От редакции» прямо гово-

НАРОДОВОЛЕЦ Н. Е. СУХАНОВ

Архив В. И. Семевского в Библиотеке Коммунистической Академии

рится, что «во главе революционного движения в России стоит с.-д.». В статье Бутырца «Об интернационализме и космополитизме» дана довольно правильная оценка позиций рабочего класса в борьбе за Интернационал. Заканчивается статья лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Довольно хорошо составлялся литературно-художественный отдел журнала. Обращает на себя внимание стихотворение Одинокого «Утес» и эскиз неизвестного автора «В лесной чаще».

В журнале имеется даже библиографический отдел. Из него мы узнаем о существовании в Бутырках «Вестника курсисток» (отзыв дан о №№ 3 и 5, но этих номеров в архиве не оказалось). Из имеющегося № 2 «Вестника курсисток» видно, что журнал этот возник вследствие несколько своеобразного отношения части студенчества к вопросу о женском равноправии.

Кроме журналов в архиве хранится много литературных произведений заключенных в Бутырках студентов, видимо ходившие по рукам в списках. Также имеется и часть

редакционных материалов этих журналов, главным образом авторских оригиналов. Имеются даже две пачки документов редактора и секретаря.

Издавались журналы в виде обычной тетради. Только «Гражданин» имеет совсем маленький формат. Нелегальное литературно-художественное издательство студенчества не ограничилось одними тюремными выпусками. В архиве хранятся образцы других подпольных литературных студенческих изданий. Среди них обращает на себя внимание брошюра М. Горького «Перед лицом жизни», «Разрушенный мол» Г. Гершуни (ошибочно это произведение издано под именем Горького), анонимный очерк «Реформа Ванновского», лишь частично сохранившийся сборник, в котором помещена поэма Мечтателя «Ночная сказка», очерк Антона Горемыки «Жизнь и искусство», стихи Мечтателя «Я помню, осень наступала» и его же этюд «Бессонною ночью».

Любопытен очерк без заглавия, изданный отдельной брошюрой на гектографе в Харькове группой «Непримиримых» в 1901 г., живо рисуящий события в Харьковском университете 27 ноября 1901 г.

Все эти литературно-художественные произведения выходили максимум в нескольких десятках экземпляров. Само собой разумеется, что ныне они представляют собой исключительно библиографическую редкость.

Архив Семевского при всем своем богатстве еще не дает исчерпывающего списка нелегальных литературных изданий студенчества. Но без этого архива не обойдется ни один исследователь студенческого движения той эпохи. А писатель, который вздумал бы дать художественное произведение из тогдашней студенческой жизни, в этом разделе архива найдет для себя богатейший, а главное исторически точный материал.

Большое значение для истории литературы, литературной общественности и вообще общественного движения имеет богатейшее собрание писем, хранящихся в архиве. Письма эти лишь в одной части были адресованы лично В. И. Семевскому. Другая часть состоит из писем, адресованных другим общественным деятелям, писателям, ученым. Все они видимо были переданы В. И. Семевскому для использования. Наконец в архиве имеется много писем, принадлежащих редакциям газет «Русские Ведомости», «Русское Слово» и журналам «Русская Мысль», «Голос Минувшего», «Русская Старина». Вся эта обширная переписка лишь в незначительной части подверглась обработке. В настоящих условиях конечно трудно установить, какая именно часть известна в литературе.

По содержанию своему письма относятся главным образом к вопросам литературы, науки, общественного движения, но есть очень много писем частного, личного характера. Авторами последних являются лица неизвестные, или мало известные, хотя и здесь следует сделать исключение для таких собраний писем, как переписка Н. С. Тургенева со своей женой Анной Яковлевной за 1848—1856 гг. и обширное собрание писем семейства Белоголовых. Само собой разумеется, что для историка быта и нравов прошлого эти собрания представляют несомненную ценность.

Что касается до основного собрания писем, то оно положительно изобилует именами. Здесь мы встречаем письма Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, М. Горького, Л. Андреева, Г. И. Успенского, Мамина-Сибиряка, Григоровича, Писемского, М. Н. Покровского, Н. Котляревского, Е. Колосова, В. Кранихфельда, Н. К. Михайловского, Лаппо-Данилевского, Бильбасова, М. Гершензона, М. Гессена, Иванчин-Писарева, А. Веселовского, М. Лемке, Е. Карпова, Н. Парамонова, В. Сторожева, П. Щеголева, Н. Стороженко, С. Венгеров, А. Прутавина, А. Н. Пышина, Хвощинской, П. Н. Тургенева, Русанова, Рубакина, Пешехонова, Пантелеева, М. Ковалевского, Арсеньева, П. Якубовича, Л. Шишко, И. Репина, В. Богучарского, А. Горнфельда, Н. Каринского, М. Грушевского, А. Лугового, Вс. Миллера, Ф. Батюшкова, А. Корнифского, Д. Клеменца, Ядринцева, П. Кропоткина, Д. Овсянко-Куликовского, Шеллера-Михайлова, О. Португалова, К. Тиандера, М. Мержинского, Е. Тарасова, П. Якоби, Кавелина, Розентейма, В. Засодимского, П. Вейнберга, К. Станиславского, В. Качалова, О. Желиховской, Златовратского и очень многих других как покойных, так и здравствующих писателей, публицистов и ученых.

Во многих письмах можно найти какую-либо характерную деталь для данного автора. Вот письмо Леонида Андреева к одному из редакторов «Русского Слова» —

Многоуважаемый
 Павел Иванович!
 Ваш отзыв о журнале «Мир Советов» и мои
 будущие публикации: вы редакторам то — вы
 редакторам «Мир» и я уверенный одобряю и не
 могу не писать много в будущем. Искренне
 Н. М. Вербова
 Л. Численко

ЗАПИСКА Г. И. УСПЕНСКОГО К В. И. СЕМЕВСКОМУ
 Архив В. И. Семецкого в Библиотеке Коммунистической Академии

С. В. Яблоновскому, посланное в связи с его отзывом о рассказе Андреева «Красный смех», изданном в разгар русско-японской войны 11 марта 1905 г.:

«Многоуважаемый Сергей Викторович!

Простите, что так не скоро отвечаю. Я бросил курить, и по этой анафемской причине в голове у меня порядочный кавардак, и я весьма похож на одного из своих полумных героев. Намерения я смешиваю часто с исполнением (хотя это свойство людей скорей нормальных) и был искренне убежден, что давным-давно ответил Вам, когда сегодня совсем неожиданно получил Ваше второе письмо.

Стихи Н. М. Вербова вместе с другими моими бумагами и рукописями находятся у жандармов, и когда я получу их из этой новой редакции — не знаю. Нехай он забудет об их существовании и действует от себя, как ему действовать вообще полагается.

За удовольствие, с каким я прочел Вашу статью о «Кр[асном] смехе», большое Вам спасибо. Вообще критики не особенно порадовали меня отношением своим к этой вещи: при обилии совсем ненужных и иногда даже обидных похвал они обнаружили очень мало вздумчивости, скромности и серьезности. И рассуждают, и хвалят, и бранят только по закону, скучно, холодно, вяло, неинтересно. Точно война их совсем не касается, точно они рассуждают о каком-то пустячном происшествии на планете Марсе. Помню, какой ураган страстей, бурю благородного негодования и смерч возмущенного чувства вызвало дело о подмене рысака — ах, как часто интересы лошадей оказываются людям ближе их собственных!

И особенно приятны и дороги такие редкие исключения, как Ваша статья — видно, что война не является для Вас делом отдаленной планеты. Долой войну, долой самодержавие!

Ваш Леонид Андреев».

А вот письмо И. Наживина Семецкому, рисующее методы творчества Л. Н. Толстого. «Л. Н. Толстой, — пишет Наживин, — поручил мне собрать для него некоторые сведения (которые ему необходимы для одной работы) о положении тех крестьян, которых Екатерина раздаривала своим фаворитам вообще, и гр. Бобринским в частности. «Мне надо знать, кто их сосал раньше, чем они попали в руки любовников Екатерины, и каково вообще было их положение» — так формулировал Л. Н. свое положение».

Многочисленные письма П. Якубовича Семецкому относятся главным образом к разного рода литературным изданиям, в которых Семецкий участвовал в качестве редактора или автора. Сюда относятся такие работы, как «Галерея шлисельбургских узников».

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА «БУТЫРСКИЙ ВЕСТНИК», ОРГАН АРЕСТОВАННЫХ СТУДЕНТОВ (ЗА БЕСПОРЯДКИ 1901 г.)
Архив В. И. Семевского в Библиотеке Коммунистической Академии

Переписка Короленко с Семевским дает некоторое представление о попытках В. Г. в области исторической литературы.

Семевский особенно был близок с кружком «Русского Богатства». Помимо переписки с Короленко и Якубовичем это видно из писем Михайловского, Анненского, Мякотина, Пешехонова.

25 писем Н. К. Михайловского почти целиком посвящены вопросам печатания произведений разных авторов. Это же является доминирующей темой в 24 письмах Н. Ф. Анненского. Среди последней переписки находится неизвестное письмо Е. Сазонова от 29 августа 1909 г. из Зерентуя и одна телеграмма, несколько вскрывающая отношение «Русского Богатства» к событиям, связанным со смертью Е. Сазонова. Из дела Департамента полиции видно, что кружок «Русского Богатства» находился в те дни в конспиративных связях с Читой и с семьей Сазонова. Среди писем Анненского оказалась телеграмма из Читы на имя Евгении Станюкович следующего содержания: «Чите состояние если узнаю сообщу». Сообщая это Семевскому, Анненский писал, что сообщает эти сведения по просьбе брата Егора. Ясно, что речь идет о состоянии Е. Сазонова.

В письмах Анненского кроме литературно-издательских дел есть много сведений об общественной жизни писателей.

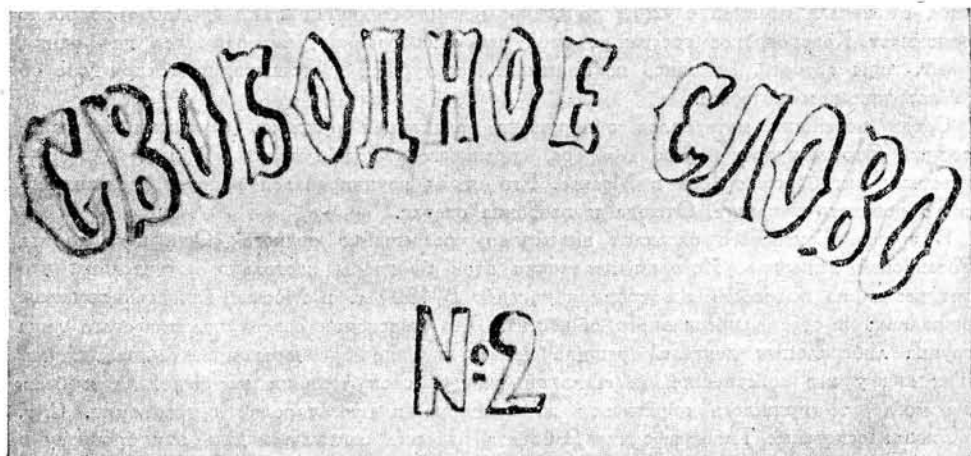
К этой же области литературно-редакторской деятельности относится также 17 писем Яковлева-Богучарского.

Вообще письма писателей Семевскому тесно связаны со всякого рода литературными предприятиями, печатанием новых произведений. По некоторым из них можно установить отдельные важные периоды в жизни того или иного писателя. Так, из письма Мамина-Сибиряка мы узнаем, как началось его литературное творчество: «Могу указать, — пишет он Семевскому, — на рассказ, который послужил для меня образцом первых опытов, — это «Грызуны» Салова. Взял я его потому, что именно эта личная форма — рассказ ведется от лица автора — всего больше подходила к моим уральским материалам».

Или вот К. С. Станиславский в письме к С. В. Яблоновскому излагает свой взгляд на театр: «Вся наша работа в театре не только с артистами, но и с простыми мастерами основана на волевых началах. Задача режиссера: увлечь артиста. Думаю, что это единственный способ всякой работы в области искусства, так как нельзя приказать чувствовать. Поднятая по приказу рука непременно вызовет смех, и поэтому мы больше всего боимся такого рода указаний».

Трудно, почти невозможно в небольшой заметке дать хотя бы приблизительное представление о содержании этого большого архива писем. Укажем лишь, что в большинстве своем они касаются вопросов изданий, сотрудничества в журналах, редакционной работы, взаимоотношений между разными писателями, их материального положения. В некоторых письмах обнаруживается нечто новое для характеристики автора. Возьмем например прославленного идеолога русского буржуазного либерализма К. Д. Кавелина. О нем принято говорить, что лишь в конце жизни он превратился в реакционера. Период этот относят к общей реакции эпохи Александра III. Все это можно прочесть в любой энциклопедии. Между тем это не так. В письме к Семевскому от 12 апреля 1885 г. Кавелин упрекает Чернышевского за то, что тот «без моего согласия и ведома напечатал в «Современнике» отрывки из записки об освобождении крестьян». Факт этот, по словам Кавелина, имел для него большие последствия. Он определил «мою жизнь и судьбу. Надо мной произведено Долгоруким следствие, и я удален от покойного наследника. Придворная гниль на меня рассвирепела и покойный государь выдал меня ей головой». Но, прибавляет Кавелин, «после со мной не раз заигрывали», но тот остался верен себе, «не поступившись ни на иоту». Это писалось незадолго до смерти Кавелина. Из этих слов можно бы понять, что Кавелин в действительности был тем, кем он себя изображает. Но вот вдруг оказывается, что Кавелин в 1864 г. подписал адрес знаменитому Муравьеву-Вешателю, палачу польского восстания 1863 г. Это открытие Бартенев сообщил только Семевскому, которого оно буквально ошеломило. Тот запросил историка Д. Корсакова, знатока Кавелина. Корсаков в своем обширном ответе также прежде всего выразил свое изумление: «Скажу откровенно, — писал он Семевскому, — Ваши вопросы меня просто ошеломили: так не соответствовали они сложившемуся у меня воззрению на «умоначертание» Кавелина. Только по получении Вашего письма я узнал об участии Кавелина в подписи адреса Муравьеву». И в дальнейшем Корсаков на основании фактов и предположений приходит к скорбному выводу «психологической возможности» этого факта. Ясно что реакционер жил рядышком с либералом в груди Кавелина не с конца, а с начала его общественной и литературной деятельности.

Историк революционного движения с большой пользой прочтет обширную переписку Марии Черномордик с Семевским. Черномордик, урожденная Гинсбург, яв-

ОБЛОЖКА СТУДЕНЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «СВОБОДНОЕ СЛОВО»
Архив В. И. Семевского в Библиотеке Коммунистической Академии

ляется сестрой известной революционерки Софии Гинсбург, трагически погибшей в Шлиссельбурге. В этих письмах очень много ценных биографических данных и даже некоторые детали ее процесса. И опять в очень нехорошем свете выступает известный либеральный юрист, адвокат Андреевский.

Среди документов архива имеется несколько папок, относящихся ко всевозможным литературным конфликтам как между писателями, так и между последними и издателями.

Среди материалов личной биографии В. И. Семевского находятся многочисленные черновики протоколов заседания Кассы взаимопомощи литераторов и правления Литературного фонда. Здесь вся изнанка писательской общественности со всеми ее достоинствами и недостатками. Последними изобилуют документы, относящиеся к управлению Дома писателей.

В архиве хранится несколько неизданных литературных произведений, представляющих несомненный интерес. Укажем прежде всего на «Очерки сахалинской жизни» Л. А. Волькенштейн. На титульном листе рукописи кем-то поставлен знак вопроса. Видимо авторство Людмилы Александровны взято под сомнение. Но из содержания очерков видна их принадлежность именно ей. Уже во вступлении автор говорит о себе как о человеке, попавшем на Сахалин «после долголетней изолированности в стенах крепости». Затем дата появления автора на Сахалине — «2 ноября 1827 г.» — точно совпадает с моментом высадки Волькенштейн на этом острове после Шлиссельбурга. И по языку «Очерки» напоминают другие произведения Волькенштейн — «После смертного приговора» и «13 лет в Шлиссельбургской крепости». «Очерки» остались незаконченными, так как Л. А. Волькенштейн была убита во Владивостоке 10 января 1906 г. при расстреле безоружной манифестации.

Другая рукопись бывшего полкового священника, а затем журналиста Петра Введенского представляет собой чрезвычайно интересные воспоминания о революционном движении конца 1905 г. и о восстании во Владивостоке в январе 1906 г. Как видно из писем автора к Семевскому, его рукопись в 1916 г. по совету Н. А. Морозова была переслана в «Голос Минувшего», но по цензурным соображениям до революции напечатана быть не могла. Об этом В. И. сообщил Введенскому в феврале 1916 г. По просьбе автора рукопись была оставлена в архиве Семевского «до лучших времен».

Третья рукопись принадлежит довольно известному участнику революции 1905 и 1917 гг. — офицеру А. И. Кузьмину. В 1905 г. в чине прапорщика он принял участие в декабрьском восстании железнодорожного батальона в Красноярске. Удачно бежав за границу, Кузьмин через несколько лет вернулся в Россию, был арестован и по делу о восстании сослан на каторгу. Освобожденный в феврале 1917 г., Кузьмин примкнул к эсерам и при Керенском в чине капитана одно время был командующим войсками Петроградского военного округа. Обширный том мемуаров показывает период от начала военной службы до Февральской революции 1917 г. Автор подробно описывает Красноярское восстание, свой побег за границу, возвращение на родину, арест, годы каторги. Рукопись не лишена литературных достоинств, не говоря уже об ее историческом интересе.

Среди новейших материалов обнаружена неизданная рукопись «Записки александровца». Это мемуары белого офицера, скрывшегося под буквами «В. Г.». Автор — участник октябрьских боев в Москве. Его отряд группировался вокруг Александровского военного училища. Отсюда и название очерка.

В архиве Семевского оказался экземпляр чрезвычайно редкого «Основного закона Российской империи». История появления этой брошюры настолько поучительна, что мы несколько подробнее остановимся на ней. В 1904 г. в Москве началось заметное оживление в среде либерального общества. Для выяснения своего политического лица группа либеральных деятелей решила издать в виде брошюры проект конституции. Так как у нее собственной нелегальной типографской техники не было, да и быть не могло, то пришлось обратиться за помощью к пролетарской организации, С.-д. «Союз Московских Типографских Рабочих» изъявил согласие издать эту брошюру в количестве 500 экземпляров. Расходы по изданию в сумме 350 р. группа либералов конечно приняла на себя. В условленный срок работа была выполнена. Но тут на-

- 56 -

127.

ЕРМОЛОВ. 1/Ал-ей Петр. /1772-1861/ (Боевой гец., участник войн с Наполеоном, отлич. под Бородиной с 1817 на Кавказе, в беспрерывн. борьбе с горск. племенами, присоединил Абхазию, Гирванское и Карабагское ханства. 2/ Петр /1845-ум. ок. 1900/. Двор. студ. Моск. ун., принадлежал к центральному кружку "Организации". Арестован в 1866 по Каракозовск. делу, приговорен к 20 л. кат. раб.; по сокращении кабрифет, а с 1872 на поселении.

РЕДАКТОРСКАЯ ПРАВКА М. Н. ПОКРОВСКОГО

Архив В. И. Семецкого в Библиотеке Коммунистической Академии

чались необычайные приключения с «Проектом конституции». Мужественные либералы испугались собственной конспиративной затеи. Воспользовавшись тем, что в нелегальном издании оказалось несколько ничтожных опечаток, они, вместо того чтобы просто оговорить их в конце текста, вообще отказались принять весь заказ. Тогда «Союз Типографских Рабочих» оказался в нелепом положении. Взыскивать произведенные расходы судом по понятным причинам не приходилось. Но платить кому-либо надо было. Пришлось рабочей организации самой распространять эту брошюру, сопроводив ее следующим предисловием: «Настоящее издание «Союз Московских Типографских Рабочих» принужден распространять в силу совершенно непредвиденных нижеследующих обстоятельств. Группа московских конституционалистов около месяца тому назад дала «Союзу Типографских Рабочих» заказ — напечатать в нашей типографии настоящий проект конституции в размере 500 экземпляров без всяких с нашей стороны возражений и поправок; на предвидительные расходы мы получили 150 р. и по напечатании должны были получить 200 р. При чем в качестве работы никаких условий не заключалось. Когда заказ своевременно был выполнен, либералы отказались принять его и уплатить деньги, мотивируя тем, что «Основной закон Российской империи» напечатан «устарелым шрифтом» и с опечатками.

Подобный поступок со стороны либеральной организации в связи с недостатком средств в организации (задаток 150 р. пришлось возвращать после того, как он был истрачен) ставит нас в печальную необходимость распространять издание, принципиальное содержание которого не может встретить с нашей стороны сочувствия.

Пусть послужат причины, побудившие нас распространять «Основной закон Российской империи», веским предостережением к его применению во всех подробностях.

Это было действительно веское предостережение для всех революционеров в их отношениях к либерально-буржуазной оппозиции. Жаль только, что не всегда подобные предостережения имели реальные последствия.

Среди документов последнего периода оказалось в подлинниках все дело «Комиссии по разбору архивов», созданной 1 марта 1917 г. Помимо протоколов заседания этой комиссии в папке оказалась интересная переписка между этой комиссией и «Комиссарнатом по регистрации произведений печати в Москве». Комиссия по разбору архи-

вов обратилась 18 мая в Комиссариат печати с просьбой передать ей все архивы цензурного ведомства, имеющие большое значение для истории русской литературы. В ответ на это Комиссариат печати сообщил:

«1) Все дела, бумаги и архивы бывш. Московского комитета по делам печати, бывш. Инспекции по надзору над типографиями и литографиями, бывш. цензурного отделения при канцелярии Московского градоначальства были переданы по распоряжению комиссара Временного правительства по г. Москве Н. М. Кишкина и комиссара Московского градоначальства П. П. Лидова в ведение и хранение Комиссариата, под его ответственностью, при чем принимались от учреждений, где хранились прежде по описям, поэтому Комиссариат считает возможным передавать эти дела, бумаги и архивы другому учреждению лишь по распоряжению комиссара по г. Москве и по описям,

2) Особых секретных архивов в числе переданных в ведение и хранение Комиссариата не имеется.

3) Большая часть архива, переданная Комиссариату, необходима ему для его текущей работы, потому что дела в них расположены, и при различных запросах со стороны комиссара по Москве, Книжной Палаты в Петрограде, судебных установлений и др. учреждений как в период организации Комиссариата и увольнения за штат членов и служащих упраздняемых цензурных учреждений, так и впредь постоянно придется обращаться за справками к делам прошлых лет.

4) Дела бывш. Московского комитета по делам печати, находящиеся в архиве, в настоящее время необходимы Комиссариату для его текущей работы также потому, что Комиссариату поручен, по соглашению с Комиссариатом Московского градоначальства, разбор конфискованных до 1 марта 1917 г. изданий для возвращения их владельцам или передачи (согласно с телеграммой за министра внутренних дел Д. М. Щепкина) в распоряжение Совета Рабочих Депутатов, для чего необходимы справки с делами прошлых лет, относительно изданий, судебное производство по которым еще не закончено (начиная с 1905 г.).

5) Что касается архивов бывш. Рижского и Варшавского комитетов по делам печати, то таковые в настоящее время сдаются Комиссариату по описи представителя названных учреждений и после сдачи могут быть немедленно переданы в Исторический Музей; архив же старых дел бывш. Инспекции по надзору за типографиями может быть передан в распоряжение Комиссии немедленно.

К сему Комиссариат считает долгом добавить, что комиссар Временного правительства по г. Москве Н. М. Кишкин при личных переговорах с ним 15 мая с. г. В. В. Калаша подтвердил:

1) Что он, Н. М. Кишкин, находит, что архивы тех учреждений, производство дел по которым не закончено, должны оставаться на местах, в ведении учреждений, их заменивших, с правом свободного доступа к архивам представителей Комиссии по разбору архивов.

2) Что архив бывш. Комитета по делам печати относится именно к учреждениям такого рода и потому должен остаться на месте.

Что касается желания Комиссии, выраженного ее представителями, получить для будущего Музея Революции по 1 экземпляру всех конфискованных изданий, то об этом Комиссариатом доведено до сведения Комиссариата Градоначальства, при котором конфискованные издания хранятся, с просьбой удерживать при выдаче изданий владельцам по 1 экземпляру для надобностей Комиссии». Под этим творчеством только что оперившихся бюрократов революционного происхождения стоят подписи: «Председатель Комиссариата Валерий Брюсов. Секретарь Комиссариата Вл. Калаш». Благодушные Комиссариата может навести на мысль о благополучном состоянии цензурных архивов. Действительность была очень далека от этого. В заседании Комиссии по разбору архивов 10 июня «В. В. Калаш официально заявил об ужасающем положении цензурных архивов 20-х и 30-х годов, где почти из миллиона томов совершенно уничтожено сто тысяч». Любопытно, какова же судьба этих архивов ныне? Из этих документов видно, что богатейшие архивы в те годы находились не только без при-

смотра, но порой даже хранились в случайных местах, как это было с архивами цензурных комитетов Варшавы и Риги, хранившихся «в доме Франка, кв. 4».

В нашей заметке мы касались преимущественно материалов, относящихся главным образом к области литературы. Но помимо них в архиве хранится очень большое количество документов и материалов по вопросам истории России и русской общности. Здесь следует отметить то огромное внимание, которое Семевский уделял декабристам и петрашевцам. Хотя в своих работах о декабристах Семевский многое использовал из собранного, но это конечно не все. Укажем хотя бы на подлинные письма Муравьева, Завалишина, Ивашева, Кюхельбекера, Штейнгеля, Бестужева и др. Часть материалов о декабристах (подлинники) ныне изъята из архива Семевского и находится в распоряжении Центрархива.

После долгих хлопот Семевскому было разрешено работать в царских архивах эпохи Александра I и Николая I. Многочисленные копии с дел декабристов и петрашевцев являлись результатом его упорной работы.

В архиве имеется значительное количество дневников лиц мало известных, относящихся преимущественно к каким-либо крупным историческим эпохам. Несколько дневников посвящены войнам — русско-японской и империалистической. Среди этого материала следует остановиться на дневниках А. Шуберт, относящихся к 1914—1917 гг. Автор была близка и к правительственным сферам. К рукописи приложены многочисленные военные сувениры: фотографии, марки, открытки — все, чем столь энергично одурманивалась в те годы человеческая мысль. Вся эта коллекция очень характерна для изучения методов пропаганды милитаризма. Заканчивается дневник Февральской революцией.

В заключение отметим, что архивом Семевского уже пользовались многие писатели для своих работ. Г. И. Чулков использовал его для своей работы о петрашевцах. М. В. Нечкина использовала архив при своей работе о Ключевском (во II томе издания «Русская историческая литература»). Целиком на материале архива Семевского Б. П. Козьминим сделана книга «С. В. Зубатов и его корреспонденты». Семевский и Мельгунов тщательно собирали материал о деятельности Зубатова. Во время своего пребывания в Петербурге в 1906 г. и в последующие годы из-за границы В. А. Бурцев находился в переписке с Зубатовым. Каким-то образом эта переписка целиком попала к Семевскому. Возможно, что она была передана ему обоими авторами, тем более, что помимо этой переписки в руках Семевского и Мельгунова оказались письма многих других деятелей охраны, адресованные Зубатову. Судя по тому, что здесь имеются письма Зволянского, Ратаева, Лопухина, Климовича, Медникова, Бакая к Зубатову, надо полагать, что в архив Семевского попала и часть архива Зубатова. Все эти весьма интересные документы собраны были владельцами архива в отдельную папку № А-222. Весь этот материал и вошел в книгу Б. П. Козьмина «С. В. Зубатов и его корреспонденты». Почему-то Б. П. Козьмин ни единым словом об этом не упоминает, как не упоминает он и о том, что документы ныне хранятся в Библиотеке Коммунистической Академии. Опубликовано в № 4 «Пролетарской Революции» за 1928 г. письмо Н. Е. Федосеева и В. И. Семевскому также взято из этого архива. Автор настоящей заметки пользовался архивом Семевского для своей книги «Духовенство и русская контрреволюция» (М., 1930 г.).

В нашей заметке мы не собираемся дать детального описания архива. Наша задача проще: указать на наиболее ценные документы, хранящиеся в нем. Архив Семевского стоит того, чтобы им заняться детальней и прежде всего приступить к публикации наиболее интересных его частей.

Н. Ростов